

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ (ОЧНЫЙ) ЭТАП КОНКУРСА ЮНЫЙ ВОСТОКОВЕД 2015

11 КЛАСС

Репродуктивное реферирование научного текста востоковедной тематики (научной статьи)

Вам требуется выполнить реферирование ранее незнакомого научного текста. Реферат не является конспектированием основных идей текста. Это творческая работа, требующая выявления, изложения и обобщения основной информации предложенного текста.

Реферат имеет следующую структуру:

1. Вводная часть: библиографическое описание реферируемого текста, сведения об авторе, актуальность основной научной проблемы, раскрываемой в тексте, предмета исследования.

2. Основная часть, в которой проводится анализ наиболее важных проблем и вопросов реферируемого текста, раскрывается цель, задачи и методы исследования, обобщенно передается мнение автора текста, освещаются достигнутые результаты.

3. Заключительная часть: выводы автора реферата о теоретической и практической значимости реферируемого текста.

Работа будет оцениваться по следующим критериям:

- Понимание автором основной проблемы текста (max 40 баллов).
- Корректное изложение основной информации реферируемого текста (max 40 баллов).
- Богатство и точность языка (max 20 баллов).

Эдвард В. Саид*. Проблема ориентализма. Западные концепции Востока (отрывок)

Как я уже говорил, ориентализм ставит под вопрос не только саму возможность неполитизированной науки, но также и целесообразность слишком тесных связей между ученым и государством. В равной степени очевидно, что обстоятельства, придающие убедительность ориентализму как типу мышления, будут существовать и дальше, что не может не удручать. Однако есть основания надеяться, что ориентализм не всегда будет оставаться столь бесспорным в интеллектуальном, идеологическом и политическом отношении.

Я никогда не взялся бы за работу такого рода, не будь я уверен, что существует гуманитарная наука, которая не столь извращена, или по крайней мере не столь слепа к человеческой реальности, как та, о которой у нас по преимуществу шла речь. Уже сегодня существует целый ряд отдельных исследователей, которые работают в таких областях, как исламская история, религия, цивилизация, социология и антропология, и чьи труды имеют большую научную ценность. Проблемы начинаются тогда, когда цеховая традиция ориентализма подминает под себя недостаточно бдительного ученого, чье индивидуальное сознание как ученого не может противостоять слишком глубоко укорененным в этой профессии *idées reçues*. Таким образом больше вероятность того, что интересные работы будут создавать те ученые, которые сохраняют верность дисциплине, заданной интеллектуально, а не такому «полю», как ориентализм, заданному каноническим, имперским или географическим образом. Прекрасным примером такого рода является антропология Клиффорда Гирца, чей интерес к исламу носит в достаточной мере конкретный характер, чтобы определяющим для него стали изучаемые им отдельные общества и проблемы, а не ритуалы, предрассудки и доктрины ориентализма. С другой

* Эдвард В. Саид (1935 — 2003) — американский интеллектуал арабского происхождения. Литературовед, историк литературы, литературный и музыкальный критик, пианист. Культуролог, автор знаменитой книги «Ориентализм», жёстко критикующей западные воззрения на Восток и обвиняющей западную науку в духовной поддержке и оправдании колониализма.

стороны, ученые и критики, воспитанные в рамках традиционных ориенталистских дисциплин, могут освободиться из прежних идеологических тенет. Уровень образования Жака Берка и Максима Родинсона соответствует самым строгим критериям, однако энергию и живость их исследованиям даже традиционных проблем придает высокий уровень методологической осознанности. Если ориентализм исторически всегда был слишком самодоволен и ограничен, слишком изолирован, слишком позитивистски уверен в своих методах и предпосылках, тогда единственный способ открыть себя тому, что изучаешь на Востоке и о Востоке, – это сознательно подвергнуть свой метод критическому анализу. Именно это отличает Берка и Родинсона, каждого по-своему. В их работах можно найти, во первых, непосредственную чуткость к лежащему перед ними материалу, а кроме того, постоянное внимание к собственной методологии и практике, неустанное стремление соотносить свою работу больше с материалом, нежели с доктринальными предубеждениями. Конечно, Берк и Родинсон, как и Абдель Малик и Роджер Оуэн, прекрасно понимают, что изучение человека и общества – будь то восточное общество или нет – лучше всего проводить в широком поле всех гуманитарных наук. А потому эти ученые выступают как внимательные читатели и прилежные ученики того, что происходит в других областях. Интерес Берка к недавним открытиям в структурной антропологии, внимание Родинсона к социологии и политической теории, а Оуэна – к экономической истории, – все это способствует внесению корректив из других современных наук о человеке в исследование так называемых проблем Востока.

Но все это не отменяет того обстоятельства, что даже если мы отвергнем ориенталистское деление на «них» и «нас», сегодня на гуманитарную науку оказывают воздействие мощные пласты политических и в конечном счете идеологических реалий. Этого никто не в состоянии избежать: даже если отказаться от деления на Восток – Запад, остается деление на Север – Юг, на имущих – неимущих, империалистов – антиимпериалистов, цветных – белых. С ними невозможно справиться, просто сделав вид, будто их не существует.

Напротив, современный ориентализм преподает нам хороший урок в отношении интеллектуальной нечестности, сокрытия и маскировки, результатом чего является интенсификация, усугубление и увековечивание этих делений. Тем не менее открыто полемичная и добропорядочная «прогрессивная» наука легко может вырождаться в догматический сон, что тоже не вдохновляет. Мое собственное понимание проблемы представлено в сформулированных выше вопросах. Современная мысль и опыт научили нас обращать внимание на то, с чем связана репрезентация, изучение Другого, расовое мышление, бездумное и некритическое приятие авторитета и авторитетных идей, в чем состоит социополитическая роль интеллектуалов, чем обусловлена значимость скептического и критического сознания. Возможно, если мы вспомним, что изучение человеческого опыта обычно имеет этические, если не сказать политические, последствия в хорошем или дурном смысле, то не будем столь безразличны к тому, что делаем как ученые. А что может быть для ученого лучшей нормой, нежели человеческая свобода и знание? Возможно, нам также следует помнить, что изучение человека в обществе основано на конкретной человеческой истории и опыте, а не на чопорных профессорских абстракциях, не на туманных законах и произвольных системах. Тогда проблема состоит в том, чтобы строить исследование на основании опыта, который подлежит прояснению и, возможно, претерпит в ходе исследования изменения. И вновь: любой ценой нужно избегать ориентализации Востока. Результатом этого может быть только уточнение знания и снижение самомнения ученых. Если уйдет «Восток», останутся только ученые, критики, интеллектуалы, – люди, для которых расовые, этнические и национальные различия менее важны, чем общее дело развития человеческого сообщества. Конечно, я верю (и старался показать это в своей работе), что уже сегодня в науках о человеке сделано достаточно в методологическом и идейном плане для того, чтобы ученые могли обходиться без расовых, идеологических и империалистических стереотипов того рода, что породил в ходе своего исторического доминирования ориентализм. Я считаю, что ориентализм оказался несостоятельным не только в интеллектуальном, но и

в человеческом отношении, поскольку встав в извечную оппозицию целому региону мира, который он посчитал в отношении себя чужим, ориентализм оказался не в состоянии идентифицировать себя с человеческим опытом, не смог даже распознать в нем человеческий опыт. Мировой гегемонии ориентализма и всему, что он символизирует, может быть брошен вызов, если мы сможем правильно воспользоваться общим ростом в XX веке политического и исторического осознания множественности народов на земле. Если эта книга и найдет какое то применение в будущем, то как скромный вклад в подобный вызов и как предупреждение: все эти системы мысли, подобные ориентализму, дискурсы власти, идеологические фикции, – ложные оковы ума – их слишком легко создавали, применяли и защищали. Кроме того, надеюсь, что мне удалось показать читателю, что ответом на ориентализм не может быть оксидентализм. Ни один из бывших «восточных» людей не будет чувствовать себя комфортно при мысли, что, сам побывав некогда восточным человеком, он поддастся соблазну – большому соблазну – заняться изучением новых «восточных» людей – или «западных», – им же самим созданных. Если в знании об ориентализме и есть какой то смысл, так это в том, чтобы постоянно напоминать нам об искушении деградации знания, любого знания, повсюду и в любое время. Теперь, возможно, еще больше, чем прежде.

Вопросы:

1. С чем связана критика Э. Саидом «ориентализма» (востоковедения)? Насколько она обоснована?
2. Какой, по мнению автора, должна быть «идеальная гуманитарная наука»? Возможна ли она (по вашему мнению) в принципе?
3. Приведите аргументацию «за» или «против» существования востоковедения как отдельной научной дисциплины. Нужно ли востоковедение и если нужно, то для чего?